

© *И. А. Янушевич*

УДК 165 165.022:81.25

И. А. Янушевич - кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки Одесского национального политехнического университета

ПРОЦЕДУРА ПЕРЕВОДА И ФОРМАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЕЕ АНАЛИЗА

Психолингвистическое исследование структур естественного языка показывает перспективность использования языка тернарного описания для формального анализа текста, в том числе и художественного. В случае анализа перевода текста с иностранного языка, использование этого формального средства может сделать оценку качества перевода более адекватной, а лингвистические конструкции более обозримыми.

Ключевые слова: язык тернарного описания, системный подход, системный метод, адекватность метода.

ПРОЦЕДУРА ПЕРЕКЛАДУ ТА ФОРМАЛЬНІ ЗАСОБИ ЇЇ АНАЛІЗУ

Психолінгвістичне дослідження структур природної мови показує перспективність використання мови тернарного опису для формального аналізу тексту, у тому числі і художнього. У разі аналізу перекладу тексту з іноземної мови, використання цього формального засобу може зробити оцінку якості перекладу адекватнішою, а лінгвістичні конструкції більш осяжними.

Ключові слова: мова тернарного опису, системний підхід, системний метод, адекватність методу.

THE PROCEDURE OF TRANSLATION AND FORMAL MEANS OF ITS ANALYSIS

Psycholinguistic research of the structures of human language shows the perspective of using the language of ternary description for formal analysis of a text, including a fiction text. In case of analysis of text translation from a foreign language, the use of this formal means can estimate the quality of translation more adequate, and linguistic constructions more visible.

Keywords: language of ternary description, systems approach, systematic method, adequacy of method.

Ни одно столетие ведутся споры вокруг проблем соотношения языка и мышления: мыслит ли человек с помощью языка или только общается на нём; существуют ли врождённые идеи, используемые при построении языковых выражений, или язык есть конвенция, которая более или менее произвольна, существуют ли какие-либо фундаментальные структуры, характерные для всех языков, и т. д. Эти проблемы важны не только для теоретиков-мыслителей, но и для практиков – создателей языков программирования машин, «живых» переводчиков с одного естественного языка на другой.

Целью данной статьи является поиск психолингвистических оснований для развития языка тернарного описания параметрической теории систем и демонстрация перспектив возможного использования этого формализованного средства описания в практике перевода.

Бурное развитие системного движения в 60-80 годы XX в. оставило в наследство XXI веку яркую последовательно проведенную мысль о возможности построить на основе естественного языка уникальную формализованную систему. Эта совокупность средств в значительной мере компенсировала отбрасывание как не востребовавшего наследия классической и восходящей к классической философии, не вошедшего в арсенал научных методов XX столетия. Действительно, развитие логических исчислений, дискретной математики и, прежде всего, аппарата теории графов, получивших развитие в теоретико-автоматных методах, теории алгоритмов создали впечатление, что прикладные науки более не нуждаются в философском наследии Гераклита, Парменида и их преемников. Экстракт, равномогущий философскому камню, получен; осталось только приступить к превращениям свинца базы данных в золото окончательной истины.

Язык тернарного описания, развиваемый в школе А. И. Уёмова с начала 60-х годов, позволяет опровергнуть это заблуждение. Особенно ценны результаты работы по развитию формализма этого языка для решения лингвистических проблем. Ситуация последовательного вытеснения латинского

языка в качестве основного средства коммуникации европейских ученых вначале французским, а затем в XX веке английским языком продемонстрировала всю серьёзность проблемы перевода научных да и технических текстов на национальные языки.

Именно в рамках национальных языков происходит воспроизводство интеллектуальной культуры следующих поколений XXI века и возникает вопрос о поиске адекватных средств преодоления лингвистических трудностей межязыковой коммуникации в узко специализированных областях социальной практики. Усиливается несовпадение между потребностями быстрого и адекватного перевода и угрозой утраты той общей языковой культуры, которая в прошлом позволяла находить нетривиальные пути передачи едва вербализуемых мыслей отдельных изобретателей или творцов научных открытий. Происходит консервация знаний, канонизация некогда удачных научных методов. Более того, усиливается тенденция к переоценке науки, прежде всего фундаментальных гуманитарных исследований, на почве антиинтеллектуализма. Разочарование замедлением появления принципиально более плодотворных путей получения эффективных научных результатов находит своё выражение в предположении об исчерпываемом потенциале человеческого творчества в рамках институциональной науки.

Однако, опыт изучения достижений цивилизаций Евразии, чьи языки получили отражение в массиве известных историкам письменных источников, свидетельствует, что уже неоднократно решалась задача обновления средств выражения мысли в процессе смены языков конкретных этносов, овладевавших культурным достижением своих предшественников. Изменение арсенала средств вербализации мыслей наиболее удачливых новаторов в различных областях знания позволяли преемникам ранних цивилизаций брать новые рубежи регистрации и передачи следующим поколениям отдельных индивидуальных достижений человеческой мысли. Истоки успеха во многом лежали в иных методах агрегации знаний в самой структуре естественного языка.

Сейчас этот путь частично перекрыт из-за практически всеобщей консервации языков письменными источниками, канонизировавшими повсеместно языки на момент складывания национальных литератур в XVI – XIX веках. Но осталась возможность поиска средств выражения в рамках формализованных моделей. Именно здесь сорокалетняя работа школы Уёмова принесла наиболее ценные результаты.

Лингвисты XX века столкнулись со многими проблемами, заставившими их искать выход за пределами собственно языкознания. Н. Хомский даже устремился в XVII век, чтобы у рационалистов времён картезианской революции найти ответы на вопросы, угрожающие тупиком проблеме познания конструкций естественного языка, среди которых, возможно, наиболее серьёзное место досталось проблеме обозримости.

Язык как порождение психического творчества этносов всегда решал задачи выбора следующего действия для погружённого в коммуникативные контактные сети индивида. Ещё Л. С. Выготский настойчиво ссылался на модель воронки Шеррингтона, по мнению которого «наш организм устроен таким образом, что его нервные рецепторные поля превышают во много раз его эффекторные исполнительные нейроны, и в результате наш организм воспринимает гораздо больше влечений, раздражений, чем он может осуществить» [1, с. 313]. С точки зрения Шеррингтона червям повезло больше. Им легче сделать выбор, располагая только тактильными ощущениями. А у человека «осуществившееся поведение есть ничтожная часть того, которое реально заключено в виде возможности в нашей нервной системе, ...но не нашло себе выхода» [1, с. 303]. И всё потому, что нужен запас на случай стрессов, дистрессов и всяких там катастроф, которые пережили предки современного человека. Способы преодоления кризиса и выживания после катастроф вошли в состав культуры и получили фиксацию в языке.

Чтобы транслироваться, – передаваться от поколения к поколению, – язык должен быть конечным. А коммуникация требует, чтобы он описывал континуально бесконечное множество ситуаций. Но тогда этого нельзя сделать без потери точности согласования взаимных значений слов. Как говорят любители формализмов, у естественных языков не существует трансверсалий толковых словарей. Толкования отдельных групп слов неизбежно приводят к циклическим замыканиям взаимных определений. Казалось бы, это означает, что языком нельзя пользоваться. Логик, извлечённые из такого языка, должны содержать порочные круги определений. Но тысячелетия писаной истории свидетельствуют: люди вполне удачно общались с помощью таких неудачно составленных языков. Какова же цена этого необъяснимого успеха?

Известно, что во всех языках мира существует некоторое множество слов, обозначающих наиболее древние, всегда необходимые и поэтому не изменяющиеся понятия – означаемые

(например: «большой», «всё», «дерево», «птица» и т. д). Этот тестовый список языка возникает спонтанно при складывании этнической общности носителей языка, а не составляется деятелями культуры. «Искусство, которое старше философии, и науки, также началось с такого рода понятий. Метафоры и другие тропы – результаты эволюции мышления, но в основе лежали понятия предыдущих форм, которые не исчезают и в дальнейшем» [2, с. 119]. Один из основоположников языка тернарного описания Цофнас А. Ю. обнаруживает в ЯТО всего девять синтаксически различных типов элементарных понятий, пять из которых являются именно предметными. Однако переход к анализу структуры конкретных понятий в ЯТО требует учёта не только синтаксических, но и семантических различий.

Благодаря выделению означающих слов из всего тестового списка можно измерить коэффициент сохранности языка относительно периода в тысячу лет. Диапазон его колебаний от 0,74 для быстро развивающихся «динамичных» языков до 0,91 для «стабильных» языков. Важно то, что коэффициент сохранности никогда не равен единице. Более того, у языков возникают потомки. А вероятность означающего из тестового списка удержаться в тестовом списке первого потомка не зависит от вероятности сохраниться в тестовом списке второго потомка.

Этот процесс происходящего смещения областей значений даже очень важных слов, синхронный с искажениями части этих слов, можно объяснить тем, что у некоторых слов область применения чрезмерно расширяется. Её начинают сужать и ради разнообразия «сдвигают» ядро значения. Именно против этой странной манеры необратимо «сдвигать» значения слов протестовал Конфуций, когда советовал «совершенно мудрому правителю» начинать своё правление с «исправления имён». Метонимия – вот цена сохранения коммуникации при всегда конечном списке слов словаря любого данного языка. Метонимия – это следствие утраты точности коммуникаций ради контекстной адекватности распределения значений в каждом частном тексте на естественном языке. Любой упорядоченный текст не просто конечен. При конечном словаре нет в этом большой заслуги, если текст выполняет требование строгого соотношения слов, избегание стыковок, повторов слов.

Любой упорядоченный текст никогда не цитирует весь толковый словарь своего языка. Поэтому толкование по логически порочному кругу не разрушает понимание этого текста носителями языка, современниками его составителя.

«Сам по себе текст (как система знаковых единиц, связанных определённым смыслом) инвариантен относительно смены контroversивных направлений мышления, то есть, с одной стороны, восприятия информации, а с другой, осмысления, то есть приписывания смысла». Степень понятности текста всегда может быть большей или меньшей: «...чем выше степень связности (целостности) элементов системы, построенной на объекте, тем понятнее объект» [3, с. 168]. Беда пришла к носителям естественного языка в XX веке. В Европе восторжествовала идея «энциклопедии». Материализация культуры, противопоставление материальности, прочности и постоянства написанного, мимолётности и стихийности устных преданий, институционализация знания резко снизили скорость изменения языков путём метонимии. «Нагромождение» знаний привело к тому, что 95% фондов библиотек стали бесплодными. Даже Интернет, усиливший мозаичный характер культуры, сохранил тенденцию уменьшения степени логической самоорганизованности культуры, измеряемой величиной «автокорреляции» между её элементами. Культура должна успевать унифицировать разнообразие приёмов преодоления необратимости времени путём смены систем агрегации знаний. А это невозможно. Накопление знаний подавляет способность к языковому творчеству, если не выполнено условие добровольного изгнания творца из потока массовой коммуникации. Ввиду того, что часть естественных языков, в особенности флексивных (к их числу относятся немецкий, русский и украинский) развивалась в условиях контакта с носителями других языков с разным устройством синтаксиса и морфологии. Они получили чрезмерную избыточность средств выражения тех или иных предметных ситуаций деятельности их носителей. По мнению А. Моля, эта избыточность есть мера понятности текста. Она может быть измерена разностью числа знаков в тексте и числа знаков, теоретически достаточного для передачи количества оригинальности (разнообразия при составлении текста), содержащейся в сообщении [4, с. 367]. Именно за счёт избыточности возрастает степень возможности для получателя предвидеть развитие некоторого сообщения, реконструировать его формы.

Опыты по угадыванию букв неизвестного текста или слова показывают, что неопределённость (энтропия H) перед угадыванием каждой последующей буквы последовательно убывает. Получены экспериментальные оценки коэффициента убывания энтропии для некоторых

разновидностей русского и французского языков. Получено строгое доказательство формулы контекстной обусловленности, а также формул распределения информации в тексте и слове [4, с. 67].

Вот только эта избыточность заметно снижает обозримость мысленного содержания всё более рассредоточенных текстов на очень медленно изменяющихся языках. А постоянное чтение этих текстов при наложении следов их понимания на массивах нервных клеток приводит к постоянному заикливанию выборов интерпретаций адресатами текстов. Особенно это опасно при знакомстве с текстами на неродном языке. Обостряется проблема перевода на нативный язык, который для его носителя всегда богаче содержательно, чем иностранный. Специалисты по машинному переводу рекомендуют соблюдать правила предпочтения, согласно которому прежде всего следует вычленять и переводить семантические единицы высших уровней, а к единицам более низких уровней обращаться во вторую очередь и только в том случае, если нет иной возможности выполнить перевод.

Это правило предпочтения как раз и толкает адресата перевода в область наиболее общих слов, где требование Локка (это не требование, а закон) об обратном соотношении объема и содержания понятий постоянно влечёт определение по порочному логическому кругу. Если даже короткие тексты воспринимать один за одним, то степень детривиализации текста за счёт исключения определений по кругу резко падает. Получается просто замена одной неопределённости на другую за счёт полисемии даже наиболее общих слов. В силу неустрашимости метонимии у всех слов имеются ближайшие и дальнейшие значения.

Частный случай подобных явлений, происходящих особенно активно в последние десятилетия, к примеру, в украинском языке – это «...поява в українській мові квазіангліцизмів як для номінації реалій, що не мають аналога в інших країнах, так і для позначення загальних реалій» [5, с. 5-6]. Например, такие слова как: «брейн-ринг», «джентельмен-шоу», «шоп-тур» и т. д., а также заимствованные понятия: «холдинг», «лизинг», «грант» и т. д. некоторые лингвисты предлагают считать частью нативного языка. «Заимствованные понятия нередко заменяют целые фразы, что и оправдывает их использование в украинском языке, и есть предложение внести их в украинский словарь» [6, с. 30].

Формализованные исчисления постоянно стремятся найти эффективные средства борьбы с полисемией (впрочем, борьба с полисемией нужна не всегда, а только в интересах научного анализа; в обычном общении однозначность может оказаться крайне вредной). А вот А. И. Уёмов и его последователи поступили иначе. Они решили начать строить язык исчисления на основе сохранения особенностей естественного языка, но обеспечили выражениям на этом языке недоступную для обычного языка степень обозримости формул. Создатели языка тернарного описания не ограничились отличием определённого (символ t) и неопределённого (символ a), и ввели произвольное как продолжение различия неопределённостей. Неопределённость, понимаемая в смысле «первая попавшаяся» имеет место только тогда, когда с неё мы начинаем формулу. Такую неопределённость можно назвать инициальной. Сфера её неопределённости ничем не ограничивается. Неопределённость, сфера которой ограничена контекстом, может быть названа контекстуальной. Эта неопределённость, понимаемая в смысле «какая-нибудь», «хоть какая-нибудь». Как результат в ЯТО различаются неопределённости $(a)a$, где первое вхождение (a) инициально, а второе – контекстуально, и $(a^*)a$, где именно второе вхождение инициально [7, с. 100]. При поверхностном рассмотрении символа a и его позиций в контексте $(a)a$ или $(a^*)a$ достаточно для описания неопределённостей. Введение специального символа A для обозначения «произвольного», «любого» на первый взгляд представляется избыточным [7, с. 35]. Достаточно свободного списка (t,a) , аналогичного объединению (дизъюнкции) определённого и неопределённого. Не следует впадать в гегелианство. В конце концов, ещё в 1959 году Н. Хомский создал конструкцию контекстно-свободных языков, где специально постулируется начальный символ σ . Этот символ $\sigma \in V - \Sigma$, где V – полный словарь, а Σ – множество терминальных символов [7, с. 299-300].

А. И. Уёмов построил начальный контекст употребления произвольного A в виде определения системы $(A)Sist = df([a^*A])t$. Тогда A и есть начальный символ. Но это только при поверхностном взгляде на лингвистические корни семантики ЯТО.

Однако, абстрактная конструкция контекстно-свободного языка совершенно лишена мысли. А ведь именно сохранение тождественности мыслей автора и адресата текста делает возможным перевод с чужого языка на некоторый нативный естественный язык. Выбор слов в любом выражении языка изоморфен выбору следующего действия в деятельности. Если выбор регулярен, то он

использует спонтанно сформированный «какой-то» или, согласно ЯТО, [(a*)a] а – критерий выбора. А если выбор не регулярен? Тогда откуда же берётся первый критерий выбора?

На эти вопросы был получен ответ в ходе изнурительной и более никем не доведённой до этого уровня работе И. А. Соколянского и А. И. Мещерякова по обучению речи слепоглухонемых детей с сохранившимися соответствующими разделами мозга. «У нормального ребёнка сперва усваивается звуковой язык, потом буквенный, у слепоглухонемого – сперва буквенный (пальцевая азбука), потом звуковой. Быстрота, с которой от одного кода можно перейти к другому, показывает, что для левого полушария существенна не столько физическая природа сигналов кода, сколько дискретный характер отдельных элементов (букв или звуков). Они сами по себе ничего не значат, но их сочетания образуют слова-знаки, эквивалентные по значению нерасчленённым знакам «иероглифам» [8, с. 56]. За пятьдесят два года экспериментальной работы А. И. Соколянский смог получить методику обучения речи слепоглухонемых детей за 2-3 года, в то время как глухонемых учителя мучили до двенадцати лет, обучая языку жестов.

Кажется, последователи Уёмова правы. Произвольность существует. Более того, существует членимая отмеченная произвольность – символы А и даже А'. Но тут на весы ложится весь авторитет сторонников врождённых идей во главе с Декартом. Они требуют обратить внимание на насекомых. Если каждый муравей, едва выйдя из куколки, готов к сложной коммуникации с массой специалистов, то неужели же человек?... Может всё-таки речь – это врождённое качество? Обучаемы же речи отдельные шимпанзе. Может быть у слепоглухонемых проявляются какие-то артефакты?

В пользу семантики ЯТО свидетельствуют нарушения речи. Особенно семантическая афазия. Внешне она выражается в непонимании таких заведомо служебных грамматических конструкций, как предлоги (они не во всех языках встречаются); слов с суффиксами, сравнений; конструкций родительного падежа; временных и пространственных конструкций; логических инверсий и сложных определений или дополнений в форме придаточных предложений; конструкций с переходными глаголами. Как удалось выяснить, источником семантической афазии является зона стыка височных, теменных и затылочных областей мозга. Они обеспечивают одновременный анализ и синтез явлений, когда для понимания слов и выражений требуется единовременное представление нескольких явлений. Выражаясь языком ПТС – учёт многих параметров системы.

Таким образом, дело не во врождённом размежевании грамматических структур по разным участкам мозга. Грамматические структуры будут разными в разных языках, а мозг у людей одинаково сконструирован. И при этом исключительно надёжно: у приматов нервная клетка зрительного тракта обеспечена синоптическими входами от обоих глаз. «Но при неиспользовании одного пути одерживает верх другой, овладевая территорией первого» [9, с. 211]. Именно использование этой избыточности мозга позволило обучать слепоглухонемых. А произвольность обеспечивает человеку свободу формирования критериев выбора, соответствующих «любому» окружению, в которое попадает новорожденный. Он не связан с задачей немедленного осуществления коммуникации с уже «работающими в муравейнике муравьями».

К счастью, здесь философы оказались неправы. Языковая интуиция свидетельствует, что отличие категорий «всякий», «любой», «все», «такой же» не избыточно, потому что всякое слово обобщает.

Не надо забывать, что далеко не все естественные языки одинаково освоили человеческую деятельность в грамматических конструкциях. В армянском и тюркском нет категории рода имён, но это не значит, что армяне и турки не различают пол. В английском, немецком, французском и древнерусском различались отрезки времени, а в русском – только три глагольных времени. Ещё хуже ситуация в китайском языке.

Язык не развивается сам по себе вне заказа на его развитие со стороны деятельности. Достаточно вспомнить судьбу древнеанглийского флективного языка и его перерождение в современный аналитический английский язык. «У англійській мові в парадигматичному ряді безвідносно ступенювання іде процес витискання синтетичних форм аналітичними, що мотивується її аналітичністю» [10, с. 14]. Деятельность постоянно восстанавливается и утрачивается. Критерии выбора отбрасываются. Взамен выбора происходит встреча с предметом. А это означает, что произвольность неустранима из деятельности, из мысли, а, следовательно, из языка. Похожая ситуация с различением отношений и свойств. И здесь при поверхностном анализе категория свойства заведомо избыточна. Созидатели математической логики считали предложенные ими средства выражения достаточными для объединения и свойств и отношений в категорию предикатов. Так выражение $VxA(x)$ тождественно естественно-языковому выражению: «для любого x имеет

место $A(x)$ » или « $A(x)$ при произвольном x », или даже: «свойство A присуще всем», – тоже самое: «любой объект является A » [11, с. 170].

Наверное, всё бы было безукоризненно, если бы верующих в универсальность бинарных отношений не беспокоила неудобная категория «смысла». Вот вполне прагматичная попытка избавиться от упрямой категории за счёт сведения его к свойству «целестремленного отклика на некоторый стимул». А поскольку функциональные свойства различных откликов на один и тот же знак могут отличаться, единственное возможное толкование смысла знака кроется в некотором «общем функциональном свойстве откликов» [11, с. 171].

Таким образом, чтобы определять смысл через произвол восприятия этого смысла адресатом, предлагается искать более общую функцию, свойственную всем откликам независимо от субъекта и объекта.

Другим путём пошёл советский системолог. Вначале он использовал конструкцию тезауруса, как вербализованные представления о мире, включая познавательные установки. Естественно, так как совершенно неизвестно, где взялись начальные установки, остаётся вернуться к врождённым идеям. Затем началось изучение способов перевода текста, сохраняющего смысл. Тут надо было искать алгоритмы перевода с одного языка на другой, выяснить какие преобразования текста инвариантны относительно семантической информации. И после всего констатировать, что эти проблемы решить не удалось... Зато можно предложить для каждого языка класс структур, несущих смысл. Это семафоронты. Каждому из этих семафоронтов соответствует архетип объектов или явлений, которые он описывает, то есть некий смысл. Например, это единичные слова-тексты типа: «здравствуйте», «смеркает», «благодарствую». Хуже, когда надо жестко фиксировать ситуации словоупотребления. Такие семафоронты продуцируют ужасно громоздкие машинные языки. А ещё есть случаи полисемии...

Очевидна беспомощность попыток уклониться от проблемы невозможности задать категорию «смысл» только на базе предиката-отношения. Но может быть, системологам помогут практики, которые жили с текстами и их смыслами? Надо проверить.

Практики считают, что текст – это реализация некоторой системы, её материальное воплощение. «Текст всегда будет обладать наряду с системными элементами и внесистемными. Правда, сочетание принципов иерархичности и множественной пересечённости структур приводит к тому, что внесистемное с точки зрения одной из частных подструктур может оказаться системным с точки зрения другой, а перекодировка текста на язык художественного восприятия аудитории может перевести любой в принципе элемент в класс системных. И всё же наличие внесистемных элементов – неизбежное следствие материализации, равно как и ощущение того, что одни и те же элементы могут быть системными на одном уровне и внесистемными на другом – обязательно сопутствуют тексту» [12, с. 67-68].

Это необычайно авторитетное свидетельство несомненной плодотворности конструкции системы, заложенной в ЯТО. Последующие рассуждения выдающегося советского культуролога об отграниченности текстов, чёткого размежевания метаязыков разных уровней описания и самих иерархических уровней описания и порождения текста не заслоняют того факта, что практик таки внёс ясность. Несмотря на свойственную и другим структуралистам антиномию системы и конгломерата постулируется главное: устранить конструкцию смысла в определении главной формы, в которой живёт язык, – в определении текста можно только за счёт введения «точки зрения» и «художественного восприятия аудитории». Классические аппараты исчисления высказываний и предикатов не были приспособлены к выражению возможности и необходимости, описанию суждений темпорального характера, перформативов, вопросов концепций, допускающих противоречия и т. д. Это обусловило возникновение различных неклассических логик, ...но революция в методологии понимания так и не наступила. Субъект также не устраним из построения текста, как наблюдатель неустраим из теории относительности Эйнштейна. Почему же многие системологи с упорством, достойным лучшего применения, стремились исключить концепт, то есть свойство (т. е. смысл!), из своих ментальных конструкций всеобъемлющих систем?

Дело в том, что в 60-70-е годы очень быстро развивалась теория автоматов, одно из наиболее блестящих порождений системного движения. Её успехи позволяли надеяться, что вот-вот удастся свести человека к каким-нибудь структурам клеточных автоматов и мечта о монизме научного описания будет достигнута. Теория автоматов вполне подтвердила то, что человек не может быть сведён к автоматам, да и вселенная не может быть до конца промоделирована только конечными автоматами. Поэтому свойства-концепты систем свести к отношениям, а последние к

бинарным, чтобы с помощью обобщённых графов или их таблиц задать их параметры. Последователи Уёмова действительно удостоверились, что именно атрибутивное определение системы $(\lambda A)Sist = df ([a(*\lambda A)])t$ наиболее соответствует содержанию естественного языка [13, с. 79]. Использование концептуального замыкания без чёткой ориентации на местность предикатов позволяет не ограничивать длину предложений естественного языка конкретным числом управляемых произвольным глаголом слов, если не принимать во внимание соображения стилистики. Соответствует грамматическим структурам использование как прямых, так и инверсных формул типа $t(*a)$, что последовательно вытекает из функциональной относительности вещей, свойств и отношений. Вполне согласуется с такой особенностью естественного языка как средства описания своих конструкций иными средствами и операции различения t' и отграничения $<t$. Короче, в арсенале переводческой практики может оказаться вполне адекватное средство методологического анализа иноязычного текста.

Теоретики перевода потратили немало времени и сил, посвящая их определению меры формальной точности воссоздания практиками перевода лексического и стилистического богатства оригинала, сходства и расхождения словарей переводов между собой и оригиналом. Нельзя сказать, чтобы эта работа была бесплодной. Во многих случаях, констатируя факт значительной меры адекватности перевода оригиналу, отмечалось лишь отличие переводческого подчёрка практиков. И это, с одной стороны, прекрасно как свидетельство неординарности концептуального подхода его творцов. Прочитав, к примеру, переводы знаменитого «Гамлета» не менее знаменитыми личностями, такими, как Б. Пастернак, Г. Кочура, М. Лозинский, Л. Гребинка, отмечаешь существенные особенности. Перевод Кочура отличается безупречностью литературного украинского языка; народность. «Непричёсанность» шекспировского слова лучше всего отобразил Гребинка. О принадлежности перевода «Гамлета» Пастернака к большому миру культуры свидетельствует его филигранное использование языковых средств выражения мысли. Но, с другой стороны, во все времена переводчики – эти, по выражению А. С. Пушкина, «почтовые лошади просвещения» – были всегда озабочены поиском оптимизации выражения мысли, некоего инварианта, где в силу повышения строгости суждения, можно говорить о «чистом» (не буквальном) в семантическом смысле слова переводе – адекватном переводе.

Проблема адекватности в целом, применительно к семантике ЯТО, на наш взгляд, была достаточно основательно освящена в работе А. Ю. Цофнаса и Л. Л. Леоненко. Опираясь на положения, высказанные ещё Аристотелем, оперируя фактическими примерами и руководствуясь целью освободить процедуру понимания от психологизма и ссылок на иррациональные моменты, авторы выдвигают два необходимых условия адекватности. Первое необходимое условие адекватности – релевантность (англ. Relevant – уместный, относящийся к делу), выражаемая в способности языка, который считается адекватным «описать все существующие или возможные ситуации в области объектов, информацию о которых выражает, хранит и передаёт данный язык» [14, с. 176]. Иначе говоря, язык должен быть адекватен характеру осмысления ситуаций объекта. Формальное определение релевантности указывает на наличие одинакового концепта.

Второе условие адекватности, которое дополняет первое: быть «отличным по виду», то есть использовать иные средства в обосновании или представлении результата (в нашем случае перевода). Формальное определение указывает на различие в субстратах. Поскольку вопрос об адекватности предполагает непременно системное представление объектов, можно сказать, что адекватность или релевантность – это значения так называемых системных параметров. Экспликация адекватности в целом делает наглядным тот факт, что к структуре адекватного метода, как правило, предъявляются требования изоморфизма.

Таким образом, поскольку процедура понимания текста является видом осмысления, и именно такого, которое позволяет представить предмет целостно, что в свою очередь, всегда предполагает системное представление объекта – не важно, текста, социального феномена или явления природы. В отличие от знания, осмысление объекта не подразумевает извлечение исчерпывающих знаний о данном объекте (тексте), а приписывание ему уже имеющихся у субъекта (переводчика) смыслов (то есть результатов полученного ранее знания). Как сделать текст доступным интерсубъективному анализу? Если ограничиться анализом в рамках естественного языка, то велика опасность вновь стать жертвою бэконовского «идола рынка», когда мы находимся под влиянием колдовства слов, зачарованы ими, и то, что является лекарством от этой болезни (то есть определения), в большинстве случаев не может помочь этому недугу, так как сами определения

состоят из слов, а слова рожают слова... . Поэтому упомянутая болезнь нуждается в более серьёзном и ещё не применявшемся лекарстве» [15, с. 325]. Дело за практиками.

Способность носителей языка ЯТО оперировать с неопределённостями и проводить рассуждения нуждаются в специальном рассмотрении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Выготский Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – М.: Искусство, 1999 – 320 с.
2. Цофнас А. Ю. Структура элементарных понятий. Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке. / А. Ю. Цофнас. – Одесса: СПб., 2002. – С. 168-169.
3. Цофнас А. Ю. Истинность, правдивость, понятность. / А. Ю. Цофнас // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия. – Т. 1. – Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2002. – С. 168-169.
4. Моль А. Социодинамика культуры / А. Моль; [пер. с англ. М. Л. Хорькова] – М.: Прогресс, 1973. – 287 с.
5. Архипенко Л. М. Активізація процесу запозичення в сучасній українській мові кінця ХХ століття / Л. М. Архипенко // Лінгвістичні дослідження. – Вип. 2. – Харків, 2002. – 151 с.
6. Попова Н. А. Роль английских заимствований в развитии ЯКМ современного украинского языка. / Н. А. Попова // Лінгвістичні дослідження. – Вип. 6. – 2001. – 256 с.
7. Уемов А. И. Общая теория систем для гуманитариев / А. И. Уемов, И. Н. Сараева, А. Ю. Цофнас. – Варшава: «Universitas Rediviva», 2001. – 276 с.
8. Иванов В. В. Чёт и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. / В. В. Иванов – М.: Советское радио, 1978. – 260 с.
9. Хьюбел Д. Глаз, мозг, зрение. /Д. Хьюбел; [пер. с англ. М. О. Гершензона]. – М.: Мир, 1990 г.
10. Дорошенко Л. До питання про синтетичні форми категорії безвідносної міри ознаки в англійській та українській мовах. / Л. Дорошенко. // Лінгвістичні студії. – Вип. 10. – Донецьк, 2002. – 223 с.
11. Клини С. К. Математическая логика. / С. К. Клини. – М.: Мир, 1973 – 287 с.
12. Шрейдер А. Системы и модели. / А. Шрейдер., А. Шаров. – М.: Радио и связь, 1982. –237 с.
13. Цофнас А. Ю. Теория систем и теория познания. / А. Ю. Цофнас. – Одесса: Астропринт, 1999. – 308 с.
14. Леоненко Л. Об адекватности логического анализа философскому рассуждению. / Л. Леоненко, А. Цофнас. // Вопросы философии. – № 5. – 2004. – С 108-120.
15. Бэкон Ф. Великое восстановление наук. / Ф. Бэкон; [пер. англ. Н. Федорова] // Соч. в 2-х т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1971. – 590 с.